

Джеймс искренне сожалел, что старый Джон так и не услышал его песню.

В конце концов, в детстве из-за своей дислексии он приносил семье сплошные хлопоты: то домашку не напишет, то у доски связать двух слов не может. Из школы отца не вылезал — выслушивал бесконечные нотации учителей, краснея от стыда перед чопорными педагогами. Где-то в глубине души Джеймсу отчаянно хотелось, чтобы отец хотя бы раз в жизни по-настоящему им гордился.

Но увы — редкий шанс улетучился, пущенный по ветру из-за его собственного утреннего мандража и вечных сомнений.

Ничего, парень быстро взял себя в руки.

— Будут и другие шансы, — оптимистично подбодрил он сам себя.

И новый шанс не заставил себя ждать.

Буквально за одну ночь «Гнилая клубника» заполонила всё вокруг. Звучала она теперь из каждого утюга — и это вовсе не было преувеличением.

Никакого пренебрежения здесь не было. Просто мелодия оказалась до безобразия привязчивой. (В свое время Ланс резонно заметил: «Нахрена усложнять, если ты просто хочешь излить яд на бывшую?»).

Из-за примитивного мотива любой прохожий, услышав песню всего раз, уже мог напеть пару куплетов. Стоило треку отзвучать в радиозфире, как его навязчивый, гипнотический рефрен намертво въедался в подкорку. Мозг по кругу крутил одну и ту же пластинку: «Клубника сгнила, сгнила, сгнила! Твоя клубника сгнила к чертям!» В такой момент подпевать этой незамысловатой чепухе начал бы даже законченный дебил.

Но самое забавное заключалось в другом. Подпевать-то мог любой, но вот повторить манеру оригинала не удавалось никому. Голос и подача солиста оказались штучным товаром, не подлежащим копированию.

Джеймс, плоть от плоти ливерпулец, говорил и петь пытался с густым северным колоритом. Его произношение было бесконечно далеко от вальяжного, кристально чистого и высокомерного королевского английского. Джеймс шпарил на самом чистокровном скаузе — легендарном портовом диалекте, напоминающем густое варево.

Для скауза характерны безбожное проглатывание согласных и ленивая артикуляция — поймет ли тебя собеседник из другого города, зависело исключительно от воли божьей. Джимми инстинктивно урезал слова наполовину. А уж если разгонялся, из него лился такой нечленораздельный поток звуков, что в тупик вставляли не то что иностранцы — коренные

британцы из южных графств зависали, пытаясь расшифровать эту абракадабру. Элементарное «what» у Джеймса неизменно превращалось в отрывистое, глуховатое «wha?».

Разумеется, у микрофона в студии он честно пытался контролировать дикцию и выдавать нечто похожее на общепринятый стандарт. Однако при внимательном прослушивании ливерпульское нутро всё равно вылезало наружу: слова перетекали друг в друга, стыки согласных смазывались, рождая неповторимое, лениво-небрежное звучание. Песня казалась ворчанием подростка, который надулся из-за какой-то обиды и бубнит себе под нос.

Студийная запись, разумеется, лишилась той развязной, откровенно издевательской и манящей энергетики, которой Джеймс брызгал со сцены. Зато в ней появился чисто британский пофигизм — вальяжный, сонный и уютный. Это не был агрессивный поп-боевик, бьющий наотмашь жестким битом. Трек звучал как простенький мотивчик, набросанный на коленке, без капли пафоса или натужного старания. Слушатель с мягкой улыбкой выслушивал ворчание соседского паренька, и этот беззлобный бубнеж не вызывал ни малейшего раздражения — только теплоту.

Знатоки, впрочем, подмечали за кажущейся простотой тонкую работу. Ритм-секция держала каркас безупречно: барабанщик искусно варьировал натяжение, ведя партию расслабленно, но собранно. В зацикленных кусках он умудрялся расставлять едва заметные акценты, которые не перетягивали внимание на себя, а лишь подчеркивали вокальный рисунок. А лаконичные гитарные вступления каждый раз врезались ровно там, где требовался яркий штрих.

В итоге песня лилась единым потоком, где голос и инструменты дышали в унисон, без единого лишнего шва или искусственного украшения.

Бодрый, запоминающийся и обезоруживающе простой мотив быстро нашел своего слушателя. И пусть маститые критики уже начали поплевывать желчью, называя текст дегенеративным, а саму структуру — монотонной и примитивной до тошноты. Толпе было плевать. Песню подхватили и понесли по улицам.

К моменту, когда группа «Планета» триумфально вернулась в Лондон, едва ли не каждый встречный мурлыкал себе под нос универсальную формулу: «Твой... сгнил к чертям, сгнил к чертям!» — подставлять на место троеточия можно было всё что угодно, от босса до правительства.

Тем временем сингл, стартовавший с самых низов национального чарта, упорно полз вверх. Подобно черепахе из басни, обставившей хвастливого зайца, трек медленно, но верно отвоевывал позицию за позицией, пока не закрепился на сорок седьмой строчке. И останавливаться «Планета» не собиралась — динамика была многообещающей.

Чтобы ковать железо, пока горячо, едва музыканты сошли с поезда, к ним примчался запыхавшийся Эйбел. Новость была убойная: группу зовут на телевидение. Наш менеджер — человек дела, хоть порой и грешит занудством, — тут же всучил каждому по увесистой папке с распечатками.

Ланс принял бумаги, но заглядывать в них не спешил. Вместо этого он незаметно отступил на шаг назад, оказавшись рядом с Джеймсом, и негромко спросил:

— Помочь прочитать?

Джеймс благодарно мазнул по нему взглядом, но качнул головой: мол, сам справлюсь. Ланс понимающе кивнул и отвернулся, избавляя его от лишнего смущения.

Удивительное дело: Джеймс ведь прекрасно знал, какой Ланс высокомерный сноб по своей сути, но периодически ловил себя на странном, почти пугающем ощущении, будто этот парень видит его насквозь и понимает без слов. Впрочем, забивать себе голову лишними мыслями он не стал и уткнулся в выданные листы.

С тех пор как Джеймс выяснил, что его неграмотность — это не признак скудоумия, а вполне конкретный диагноз под названием «дислексия», который поддается коррекции, его больше не бросало в холодный пот при виде печатного текста. Да, буквы по-прежнему плясали перед глазами, а чтение требовало в сто раз больше усилий, чем у нормальных людей, но прогресс определенно наметился. Пристроив сигарету в уголке рта, он прижал указательный палец к бумаге и принялся медленно, слово за словом, разбирать напечатанное. Он твердо решил со всем справляться самостоятельно.

" «Джимми. Любимый цвет — красный»... Да блядь, кто это придумал?! «Обожает фиш-энд-чипс»... Ну, это смотря кто жарит. Если мой братец Линд, то рыба обычно похожа на обугленный кусок угля. Так, дальше... «Вокалист группы. Умеет играть на губной гармонике и маракасах»... Гармонику я только осваиваю, а вот с маракасами — ладно, не соврали. «Пылает искренней любовью к товарищам по группе»... Чего?! Я их люблю? Да я каждое утро просыпаюсь с мыслью набить им морды! «Несмотря на слабую успеваемость, всей душой тянется к знаниям»... Стоп, это вообще про кого? К знаниям у нас Ланс тянется, придурки! И напоследок: «Причина, по которой связал жизнь с музыкой: с раннего детства грезил сценой. Музыка дарит людям счастье, и я хочу делиться этой радостью со всем миром, ради чего и бросил школу на пути к мечте»... Господи, они меня за дебила держат? Если бы я хотел дарить людям счастье, я бы в цирк клоуном пошел работать или в стендап-комики!"

Сидевшие рядом парни, которые тоже с кислыми минами изучали свои анкеты, дружно грохнули от хохота. Музыканты со смехом пошвыряли макулатуру на стол.

— Какая-то несусветная чушь, — резюмировал Тео.

Эйбел, наблюдавший за этой картиной, побледнел от злости. Лишь позже выяснилось, что за эти фальшивые биографии менеджер отвалил кругленькую сумму какому-то модному

пиарщику, дабы подготовить «правильный» имидж группы для прессы.

" «Знай мы об этом заранее, наше отношение к нему, возможно, стало бы...»"

" «Мягче?»"

" «Черта с два! Мы бы просто выставили этого олуха за дверь! Выкинуть столько бабок на такую унылую херню!»"

Короче говоря, Эйбел обиделся не на шутку. Он безумно верил в потенциал «Планеты», но от замашек подопечных у него регулярно раскалывалась голова. Их вечные ухмылки, наплевательское отношение к правилам, раздолбайство и высокомерие уличной шпаны, не знающей страха перед будущим, — всё это было палкой о двух концах. Безумцы будут любить их еще отчаяннее, но поборники морали возненавидят до судорог.

Допускать этого было нельзя.

— Завтра на съемках — никакого курева, никакого алкоголя и, упаси боже, без мата! — рывкнул Эйбел, резко поднимаясь со стула.

Он с силой бахнул ладонью по столу, перекрикивая нарастающий гул:

— Слушайте меня внимательно! Вызубрите эти листы от корки до корки. Завтра вас увидят миллионы зрителей по всей стране в своих уютных гостиных. Я не позволю вам облажаться из-за собственного дилетантства и похоронить карьеру, даже не начав её. Если нужно притворяться пай-мальчиками — будете притворяться как миленькие!

Парни притихли, слегка ошарашенные напором. Прежде мягкий и податливый Эйбел, готовый потакать любым их капризам, сейчас выглядел действительно устрашающе.

" «Неужели мы его окончательно допекли?»"

Джеймс прикусил фильтр сигареты и мысленно взмолился:

" «Только не сходи с ума, приятель. Если ты свихнешься, кто будет выбивать бюджет под наш дебютный альбом?»"

К счастью для душевного здоровья менеджера, читать чужие мысли он не умел, иначе его прямо здесь хватил бы апоплексический удар. Воцарившееся молчание Эйбел расценил как победу над строптивым молодняком.

Наслаждаясь триумфом, он вальяжно подошел к Джеймсу, вытащил у него изо рта сигарету и небрежным жестом отправил ее в мусорную корзину. Затем слегка потрепал златовласого вокалиста по щеке и вкрадчиво произнес:

— Джимми, будь умницей. Веди себя хорошо, ладно?

Тот окинул его странным, нечитаемым взглядом, поджав губы. В его чистых изумрудных глазах застыло отражение самодовольного лица менеджера. Несколько секунд спустя он оскалился в наглой ухмылке, обнажая острые клыки:

— Да без проблем, шеф! Сделать ангельскую мордашку? Легко. Рассказать, насколько послушным я могу быть? Хочешь, на колени встану, как котенок? Покатаюсь по ковру, подставлю животик почесать... Мяу? Мяу-мяу? Достаточно мило для британского телевидения?

Сам Джеймс явно не догадывался, насколько очаровательно выглядел со своими кошачьими повадками. Эйбел на секунду потерял дар речи, замороженно глядя на парня. Остальные участники «Планеты», привыкшие к подобным выходкам своего фронтмена, разразились громогласным хохотом.

Менеджер поспешно взял себя в руки, решив перевести всё в шутку, и натянул вежливую улыбку:

— Остроумно, Джимми.

Вот только шутить никто не собирался. Это был фирменный издевательский сарказм Джеймса Лемона.

И на следующий день в прямом эфире грянул гром...

— Скажите, Джеймс, вы ведь еще так молоды. Как вам пришла в голову мысль заняться музыкой и сколотить собственную рок-группу? — слащаво улыбаясь, спросил ведущий.

— Ангелы велели мне петь, — с самым серьезным видом ответил Джеймс.

— Простите?.. — растерялся интервьюер.

— Да херня всё это, — отмахнулся Джеймс. — Меня вышвырнули из школы, у меня не было ни шиша в кармане, ни работы, ни девки, я не умел играть ни на одном чертовом инструменте, но жутко хотел славы. Вот и решил стать вокалистом в банде. И знаете что? Это охренеть как сработало. Все проблемы разом испарились!

В этот самый момент в офисе звукозаписывающей компании Эйбел стоял перед экраном, чувствуя, как у него натурально идет дым из ушей. Словно пораженный молнией, он уставился на трансляцию. Его пальцы затряслись в мелкой дрожи, и менеджер, впервые в жизни забыв о приличиях и корпоративной этике, во всю глотку заорал на весь кабинет:

— Блядь!

<http://bllate.org/book/19389/1999609>